

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи

Прелестная женщина

«Public Domain»

Тэффи Н.

Прелестная женщина / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Содержание

* * *

5

Надежда Тэффи Прелестная женщина

* * *

– Я прямо умоляю вас, дорогой друг!

В голосе Пьера было что-то большее, чем светская любезность.

Мишель посмотрел на него с удивлением.

– Я не отказываюсь от вашего милого предложения, – сказал он. – Я только думаю, что вам вдвоем, наверное, было бы гораздо интереснее. Вы меня приглашаете потому, что хотите меня развлечь. А потом и рады будете от меня отделаться, да уж оставить меня на дороге не сможете.

– Одетт! – позвал Пьер. – Одетт! Иди уговаривай сама этого упряма.

Вошла Одетт, поколыхала своими черными, толстыми, как прутья, ресницами и сказала деловито:

– Там у тебя на бюро пролилась чашка кофе и прямо на бумаги. Надо сейчас их встряхнуть или вытереть, а то они совсем расплывутся. Если бы не я, – обернулась она к Мишелю, – то прямо некому было бы присмотреть здесь за порядком.

– О-о-о! – вскочил Пьер. – Мои бумаги! Ведь это, конечно, ты же вывернула на них кофе! Он сердито зашагал прочь из комнаты.

Одетт села на диван, положила ногу на ногу, тщательно подобрав платье так, чтобы было видно нижнее колено, закурила папироску, вставив ее в длинный белый мундштук с порозовевшим от ее губ кончиком, подняла брови и сказала тоном деловой женщины:

– Ужасно мне трудно с Пьером. Это такой ребенок! Я даже спрашивала совета у мужа – как можно вообще приучить человека к порядку. Но тот сам ничего не понимает.

– А где сейчас ваш супруг? – не зная, что сказать, спросил Мишель.

– В Лондоне. Нет, в Брюсселе. Словом, в каком-то городе, где есть Риц. Что вы на меня смотрите? Отель Риц. Отчего мужчины всегда все так туго понимают, – покачала она головой.

Мишель виновато засмеялся.

– Слушайте, друг мой, если вы действительно меня так горячо любите, как вы уверяете, то вы обязаны оказать мне эту услугу.

Мишель никогда ее в своей любви не уверял, но отрицать не считал вежливым.

– Эту услугу вы обязаны мне оказать, – продолжала Одетт и взглянула ему в глаза проникновенным взглядом. – Вы должны ехать с нами в Бордо. Сейчас праздники, и вам все равно в Париже делать нечего. Я берусь уговорить Пьера взять вас с собой.

– Пьер меня уже пригласил, – сорвалось у Мишеля.

– Неужели? – удивилась Одетт. – Ну, так он умнее, чем я думала. Для меня было бы ужасно ехать с ним вдвоем. Я его, конечно, обожаю. Но ведь я обожаю его уже два года... Пьер, – крикнула она в соседнюю комнату. – Пьер, сколько времени уже длится поэтическая сказка нашей любви? А?

– Одиннадцать месяцев, – закричал Пьер.

– Одиннадцать месяцев! Боже, как долго! Пье-ер! А мне казалось, что не больше двух недель. Так вот видите, – обернулась она к Мишелю, – когда человека так долго обожаешь, то уже трудно быть с ним с глазу на глаз двое суток в автомобиле. Вы меня прямо спасете, если поедете с нами.

У подъезда кокетливого особнячка, где жила Одетт, Пьер, нервно похлопывая ладонями по рулю автомобиля, говорил сидящему рядом Мишелю:

– Мы ждем уже полтора часа! Мы должны были выехать в десять, а теперь половина двенадцатого. Это совершенно невыносимая женщина! Ради бога, дорогой мой, подымитесь, посмотрите, скоро ли она. Я не могу. Она прелестная женщина, но я боюсь, что скажу ей прямо, что она стерва.

Мишель, криво улыбаясь, поднялся по лестнице. Одетт кричала в телефон:

– Как, и розовое не готово! Но я не могу ехать без розового! Зеленое и тайер вы можете мне выслать по почте, но без розового я не могу двинуться с места.

Мишель вошел в комнату.

– Мы ждем. Мы опаздываем к завтраку. – Одетт подняла на него негодующие глаза.

– Боже, какие вы все бестолковые! Неужели вы не понимаете, что я не могу выехать без розового дезабилье? Подождите немножко. Должна же я все это уладить, организовать.

Мишель уныло опустил вниз.

Пьер выслушал, раздул ноздри.

– Я, кажется, возненавижу эту дуру, – пробормотал он.

Увидя вопросительный взгляд Мишеля, он поспешил пояснить:

– Очаровательная, прелестная женщина. И муж у нее такой славный малый. Вам еще не хочется есть? Мы могли бы съесть по сандвичу в соседнем бистро.

– Идея! И выпить пива.

– Итак, с нашим завтраком ничего не выйдет, – вздохнул Пьер, взглянув на часы. – Уже без десяти два. Может быть, вы, милый друг, не откажетесь подняться и узнать, в каком положении наша милая Одетт.

Мишель ушел и вернулся несколько растерянный:

– Она... представьте себе – к ней пришла массажистка, и она решила, что перед дорогой ей полезно взять массаж.

Пьер стиснул зубы так, что у него под скулами заходили желваки.

– Ну, что ж, подождем. – Дверь распахнулась.

– Наконец-то! Нет. Это не она.

По ступенькам крыльца быстро сбежал лакей и, открыв ящик под кузовом автомобиля, вытащил маленький желтый чемодан.

– Зачем он вам? – всколыхнулся Пьер.

– Мадам хочет надеть тот костюм, который в него уложили.

Друзья молча переглянулись.

– Слушайте, Мишель, может быть, вы все-таки согласитесь подняться еще раз? Вы понимаете, я, конечно, мог бы и сам пойти, но я слишком уважаю эту прелестную женщину, как примерную жену – она ведь, в сущности, очень привязана к своему мужу. И я уважаю ее, как мать семейства, – ее дочь воспитывается у бабушки. Словом, я вообще слишком ее уважаю, чтобы сказать ей прямо в лицо, что она стерва. А это, если только я поднимусь наверх, будет на этот раз уже неизбежно.

– Да я и не отказываюсь, – пробормотал Мишель. – Я с удовольствием. Только, право, это праздное любопытство.

– Если бы еще это было случайностью! Но, поймите, дорогой мой, каждый раз она устраивает мне такие штуки. И каждый раз обещает мне, что это не повторится, и – каждый раз я верю. Скажите, Мишель, скажите откровенно – может быть, я совсем дурак?

– Ну, почему уж и совсем, – любезно ответил Мишель. – Но, конечно, эта маленькая задержка не совсем удобна, – прибавил он, вспомнив, что он гость, приглашенный на прогулку в автомобиле, и от него требуется некоторая доля благодарной вежливости.

– Маленькая задержка! – вспыхнул Пьер. – Да вы отдаете ли себе отчет, который теперь час? Половина четвертого! Пойдите, спросите у нее, где она рассчитывает обедать?

Мишель вздохнул и ушел. Лениво поднимаясь по лестнице, он уныло думал, что весь праздничный день промотался по этому крыльцу да просидел не очень комфортабельно в пахнущем теплой клеенкой автомобиле, созерцая злое и расстроенное лицо приятеля.

Одетт, к изумлению своему, он застал в столовой за столом. Она приветливо кивнула ему головой.

– Селестина заставила меня съесть пару яиц всмятку. Она уверяет, что у меня непременно сделается мигрень, если я не поем. Хотите кофе?

– Пьер очень волнуется. Мы ведь ждем с десяти часов.

– Ах, он такой несносный! Из-за десяти минут опоздания он готов поставить на карту всю глубину нашей легендарной и прочной... Селестина, вы можете идти. О чем я?.. Да, нашей легендарной и прочной семейной... ах, я спутала, я думала, что я говорю о Жорже, о муже. Вы не знаете Жоржа? Ах, это такой негодяй! Уехал по своим дурацким делам, и я вечно одна, одна и одна. Я, между прочим, не особенно верю в его дела. Наверное, здесь замешана женщина. Ах, разве теперь есть верные мужья! Это все ужасно тяжело, но от вас, как от старого друга, у меня не может быть тайн. – Мишель был немало удивлен, узнав, что он старый друг, так как видел Одетт всего в третий раз.

– Значит, я могу сказать Пьеру, что вы сейчас спускаетесь?

Она посмотрела на него, точно не сразу поняла, о чем речь.

– Ах, да вы все про это! Про поездку! Как вам не надоест! Ну, конечно, я сейчас бегу. Селестина! Несессер! Где мои дорожные перчатки? Вечно вы все перепутаете. Леон! Отнесите чемодан вниз. Пустой? Почему же он пустой? Ах да, я вынула тайер. Так кладите его обратно! Скорее! Я бегу! Ах! Тесемка внизу оборвалась! Селестина, скорее! Прощайте! Вечно вы...

Мишель сбежал вниз.

– Сейчас идет.

Пьер безнадежно покачал головой. Но, к их общему удивлению, дверь распахнулась, выбежал лакей с чемоданом и непосредственно за ним суетливая, вертясь волчком и размахивая ярко-желтым шарфом, сама Одетт. Рядом, уцепившись в подол ее юбки, в которую не то втыкала булавки, не то зашивала, прыгала по ступенькам Селестина.

– Шляпа! Леон! Картонку со шляпой. Где Пуфф? Пуфф! Пуфф!

Из дверей с визгом выкатилась белая собачонка, ударилась в ноги взбегающего по лестнице лакея, тот перевернулся и шлепнулся боком.

– Селестина! Принесите картонку! Леону некогда. Вы видите – он валяется. Ну, едем же, едем. Сами торопили.

Пьер нажал на педали, делая вид, что не слышит воплей Селестины, которая бежала сзади с какими-то забытыми предметами.

Живо вылетели на набережную, перемахнули через мост...

– Пьер! Пьер! Ради бога, к какому-нибудь почтовому бюро! Я должна сейчас же послать телеграмму мужу, чтобы выслал мне деньги в Бордо. Мишель, будьте так любезны. Пойдите на почту и телеграфируйте! Мосье Дарли – Отель Риц. Я только не помню, где именно – в Брюсселе или в Лондоне. Пошлите на всякий случай и туда, и сюда. Это гениальная мысль – и туда, и сюда. И понежнее – я на вас рассчитываю. Я верю, что в вашем вокабюлере¹ найдутся нежные слова.

Стоя перед решетчатым окошечком, Мишель, злясь и вздыхая, выводил скрипучим пером:

«Думаю только о тебе все время стоп Вышли деньги Бордо любовь сильнее смерти твоя Одетт».

¹ Vocabulaire – словарь (фр.).

Наконец прокатили через унылые предместья. Потянуло свежим вечерним воздухом. Мишель снял шляпу, улыбнулся и только что начал думать: «Все-таки хорошо, что я вырвался из Парижа». Не успел подумать только «Все-таки хо...», как Одетт громко вскрикнула:

– Пьер! Поворачивай назад! Ведь я забыла ключи! Я слышала, как Селестина кричала про ключи, но мне было некогда понять, чего она хочет. Пьер, поворачивай назад. Как возмутительно, что ты никогда ни о чем не помнишь!